

© 1991 г.

ШВЕЙЦЕР А. Д.

ПРОБЛЕМЫ КОНТРАСТИВНОЙ СТИЛИСТИКИ

(К СОПОСТАВИТЕЛЬНОМУ АНАЛИЗУ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СТИЛЕЙ)

Известно, что контрастивная лингвистика является одним из наиболее молодых направлений современного языкознания, стремящимся найти свое место среди других языковедческих наук, определить свой объект и разработать свои методы анализа [1—5].

В то же время можно смело сказать, что из всех ее областей и разделов контрастивная стилистика, основоположником которой был еще Ш. Балли [2], получила наименьшее развитие. Прав К. А. Долинин, пришедший к выводу о том, что контрастивная стилистика как лингвистическая дисциплина еще не построена, а то, что обычно предлагают под этим названием, «не в меньшей степени относится либо к сравнительной типологии, либо к теории перевода, чем к стилистике» [3, с. 86].

Показательна в этом отношении концепция одного из пионеров контрастивной стилистики А. Мальблана, видевшего ее задачи в том, чтобы точнее определить соответствия между двумя языковыми системами, установить возможности перехода от одной из них к другой и таким образом превратить теорию перевода в научную дисциплину [4, с. 16]. И хотя на следующей стадии контрастивно-стилистического исследования Мальблан предусматривал противопоставление жанров и стилей в двух языках, эта задача осталась у него нереализованной.

Сходное понимание целей контрастивной стилистики присуще и авторам «Сопоставительной стилистики французского и английского языков» Ж. П. Вине и Ж. Дарбелье, которые в число задач «внешней» (т. е. контрастивной) стилистики включают анализ специфических черт языка, выявляемых путем сопоставления его с другим языком [5, с. 15]. Для этой работы (как и для многих других) характерно отсутствие четкой дифференциации контрастивной стилистики, с одной стороны, и контрастивной грамматики, лексикологии и теории перевода, с другой.

Интересные перспективы построения контрастивной стилистики были замечены в свое время Ю. С. Степановым в его «Французской стилистике», в особенности в разделе «Французская национальная норма, описанная изнутри», где стилистические системы французского и русского языков подвергаются сопоставительному анализу на лексическом уровне [6].

Важные уточнения в отношении самого предмета контрастивной стилистики вносит А. В. Федоров, который, полемизируя с А. Мальбланом, фактически подчиняющим контрастивную стилистику теории перевода, справедливо отмечает, что задачи первой носят самостоятельный характер. По мнению А. В. Федорова, контрастивная стилистика может строиться не только на соотношении оригиналов и переводов, но и на со-

поставлении оригинальных текстов. Объектом ее анализа могут быть различия в употреблении языковых средств — архаизмов или варваризмов, грамматических форм и типов предложения или средств языка, принадлежащих к одним и тем же функциональным стилям или литературным жанрам [7, с. 39—40].

Если контрастивный анализ выразительных средств языка, и в первую очередь художественной речи, и получил некоторое развитие, то проблемы сопоставления функциональных стилей еще нуждаются в фундаментальной разработке. Одной из первых работ этого направления контрастивной стилистики является книга Н. К. Гарбовского, в которой предпринимается попытка проанализировать сходства и различия в выборе и организации языковых средств выражения в области профессиональной речи [8].

Остановимся подробнее на предмете контрастивной стилистики, и в первую очередь на его отграничении от предмета теории перевода. Соотношение теории перевода с контрастивной стилистикой во многом определяется взаимосвязью между теорией перевода и контрастивной лингвистикой в целом. Этот вопрос детально рассматривается Э. Косериу в докладе на Международном симпозиуме по контрастивной лингвистике и теории перевода [9]. Согласно Косериу, контрастивный анализ может осуществляться в разных плоскостях — на уровне языковой нормы, типа языка и языковой системы. Контрастивная лингвистика, ориентированная исключительно на тип языка и языковую систему, имеет ограниченную ценность для перевода. В то же время контрастивный анализ на уровне языковой нормы (т. е. обычных, традиционных реализаций языковых функций) охватывает именно ту сферу, в которой протекает процесс перевода. Отсюда делается вывод, согласно которому ориентированная на норму и узус контрастивная лингвистика фактически приравнивается к теории перевода.

Нельзя не согласиться с тем, что системно-структурные и типологические сопоставления могут иметь лишь ограниченное приложение к переводу. Верно и то, что к теории перевода ближе всего та отрасль контрастивной лингвистики, которая ориентирована на норму и узус, ибо она, подобно теории перевода, имеет дело с речевыми реализациями языковой структуры, с областью функционирования языка в речи и, подобно частной теории перевода, носит однонаправленный характер (т. е. от языка А к языку В). Однако при этом едва ли есть основания ставить знак равенства между контрастивной лингвистикой на уровне нормы и узуса и теорией перевода. Независимо от того, какой аспект языка — его структурный тип, система, норма или узус — оказывается в фокусе сопоставительного анализа, контрастивная стилистика всегда нацелена на языки или, точнее, на конкретную пару языков, подвергаемых синхронному сопоставлению с целью выявления их общих и различительных черт на основе единого метаязыка, выступающего в качестве *tertium comparationis*, или одного из исследуемых языков, используемого в качестве эталона для сопоставления. Что касается ее задач, то их можно определить как установление общих и различительных черт, обнаруживаемых системами экспрессивно-эмоциональных и оценочных средств двух языков, а также системами их функциональных стилей. В число специфических задач контрастивной функциональной стилистики входит сопоставительный анализ системных отношений между языковыми средствами, используемыми в тех или иных сферах общения, определение принципов их отбора, сочетаемости и организации в текстах. Подробнее на уровнях и параметрах контрастивного анализа функциональных стилей мы остановимся ниже.

Предметом же теории перевода является собственно перевод как специфический вид межкультурной коммуникации или, в терминах лейпцигской школы теории перевода, «языкового посредничества» (Sprachmittlung), а целью — выявление его сущности, моделей, механизмов, влияющих на него факторов и регулирующих его норм [10, с. 6—9].

Различия между контрастивной лингвистикой и теорией перевода находят свое отражение и в характере сопоставлений, практикуемых в этих дисциплинах. Так, проводя свои сопоставления на уровне типа или жанра текста, контрастивная лингвистика обычно использует так называемые «параллельные тексты», которые соотносятся друг с другом не как оригинал и перевод. Как правило, у этих текстов отсутствует тот семантико-прагматический инвариант, который обычно лежит в основе переводческой эквивалентности [10, с. 76—91]. Для «параллельных текстов» характерна общность социально-коммуникативной ситуации их порождения, позволяющая выделить дифференциальные и интегральные признаки текстов данного жанра в различных языках. Так, среди текстов, подвергаемых анализу в «Контрастивной текстологии» Р. Р. К. Хартмана, мы находим немецкие и английские тексты экономических приложений к «Зюддойче цайтунг» и «Таймс», выступлений в бундестаге и британском парламенте и др. [11, с. 92—99].

Контрастивный анализ этих текстов фиксирует присущие им черты сходства и различия в функциональных параметрах, а также в их синтаксисе, лексике, фразеологии и стилистической тональности.

Из сказанного отнюдь не следует, что переводческие сопоставления, т. е. сопоставления исходных текстов и их иноязычных эквивалентов, нерелевантны для контрастивной стилистики. Напротив, эти сопоставления служат ценным материалом для выявления расхождений между жанрово-функциональными нормами двух языков. При этом, однако, следует иметь в виду, что стилистическая модификация исходного текста под влиянием норм языка и культуры его конечного реципиента носит, как правило, компромиссный характер. Дело в том, что процесс порождения текста при переводе сложен и противоречив. И объясняется это «двойной лояльностью» переводчика — его установкой на верность оригиналу и установкой на адресат и нормы его культуры [10, с. 75]. Характеризуя отношение текста перевода к текстам исходного языка, с одной стороны, и к текстам языка воспринимающей среды, с другой, А. Нойберт метко характеризует их как «двойную интертекстуальность» (double intertextuality), т. е. одновременную ориентацию на два типа текстов — исходного языка и языка перевода [12, с. 115]. Элементы двойственности (с точки зрения ориентации на культурную традицию), обнаруживаемые в конечном тексте перевода, расцениваются А. Поповичем как проявление того процесса, который в семиотике называется «креолизацией» текстов [13, с. 130—132].

Наиболее яркое проявление соприкосновение разных культур находит в художественном переводе, где одной из движущих сил процесса креолизации текста является тенденция к сохранению национального колорита оригинала. Поэтому при всей своей важности для контрастивной стилистики данные теории перевода могут быть использованы в ней лишь строго ограничено и с существенными поправками, поскольку креолизованный текст никогда не сможет заменить текст аутентичный в качестве полноценного объекта контрастивного стилистического анализа.

Для того чтобы наметить принципы сопоставления функционально-стилистических систем, необходимо прежде всего выяснить характер соотношения между ними как в пределах одного и того же языка, так и в рам-

ках межъязыковых отношений. Анализ противопоставлений элементов этих систем свидетельствует о том, что они чаще всего характеризуются не столько наличием или отсутствием того или иного различительного признака (как привативные фонологические оппозиции Н. С. Трубецкого), сколько частотностью или употребительностью сопоставляемых единиц. Иными словами, эти оппозиции носят не абсолютный, а относительный характер.

Отсюда следует, что анализ такого рода оппозиций открывает широкие возможности для применения статистических методов. Не случайно именно статистические признаки были положены в свое время Н. Энkvистом в основу предложенного им определения, согласно которому «стиль текста представляет собой совокупности контекстуальных вероятностей его языковых единиц» [14, с. 28].

Разумеется, статистические признаки подлежат учету не только при сопоставлении отдельных текстов, но и при выявлении различительных черт функциональных стилей. Одним из первых модель статистического выделения функциональных стилей предложил А. Я. Шайкевич [15]. Статистические методы находят применение и в диахронных стилистических исследованиях в рамках одного и того же языка. Так, например, авторы коллективного труда «Развитие функциональных стилей современного русского языка», применяя статистические методы, сопоставляют частотность языковых фактов, характерных для различных функциональных стилей на разных хронологических срезах, выявляют тенденции их эволюции в послеоктябрьский период. В частности, они убедительно раскрывают тенденцию ко все расширяющемуся взаимопроникновению стилей — например, к возрастающему сближению публицистического стиля с разговорной речью, к уменьшению доли книжной лексики [16, с. 109].

Сходные методы оказываются плодотворными и в межъязыковых сопоставлениях. Так, например, элементы статистического анализа используются в названной выше работе Н. Н. Гарбовского, где, в частности, сопоставляется частотность различных частей речи в художественных и специальных текстах. Материалы количественного анализа свидетельствуют о том, что если в текстах художественных произведений отмечается «межъязыковая аналогия» (т. е. сходная картина количественного распределения частей речи), то в текстах специальных можно констатировать «межъязыковую асимметрию в употреблении прилагательных и глаголов: глагольность французского текста противостоит адъективность русского» [8, с. 100].

Однако соотношения между текстами, в которых реализуются дифференциальные признаки функциональных стилей в разных языках, отнюдь не исчерпываются количественными противопоставлениями. Некоторые их элементы могут вступать и в привативные оппозиции. Последние встречаются не столь часто. Ср., например, аллитерацию, используемую в качестве организующего приема в древнегерманском, кельтском и тюркском стихосложениях, но не используемую в этом качестве в других языках. Ср. также характерное для английского газетно-публицистического стиля употребление аллитерации, у которого отсутствуют аналоги в языке русской газеты.

Наконец, в отдельных случаях противопоставления функционально-стилистических систем носят нечеткий характер в силу другого немаловажного обстоятельства. Дело в том, что некоторые признаки в равной мере присущи нескольким стилям, хотя и могут в то же время отличать эту группу стилей от других. Иными словами, эти признаки могут быть ин-

тегральными для данной группы и дифференциальными по отношению к тем входящим в нее стилям. Так, например, некоторые черты официально-деловой речи («канцеляризмы») встречаются и в научной прозе, и в языке газетной публицистики (ср. взаимопроникновение стилей, отмеченное в [16]). Таким образом, функциональные стили относятся к классам, которые в современной теории множеств именуются «нечеткими множествами» (fuzzy sets), т. е. такими, между которыми отсутствуют четко очерченные границы и элементы которых частично совпадают и перекрещиваются [17, с. 1069]. Думается, что при сопоставлении функционально-стилистических систем модель количественных противопоставлений и модель нечетких множеств должны взаимно дополнять друг друга.

Рассмотрим вопрос об уровнях и параметрах контрастивного анализа. Если строить иерархию сопоставляемых объектов сверху вниз, то следует начать с высшего уровня — с функционального стиля. Членение языка на функционально-стилистические системы непосредственно связано с дифференциацией сфер коммуникативной деятельности, выделяемых на основе абстрагирования от конкретных социально-речевых ситуаций. Именно на эту связь функционального стиля с коммуникативными сферами и в конечном счете с ситуациями общения указывает в своем определении функционального стиля Ю. С. Степанов: «Функциональный стиль — это исторически сложившаяся, осознанная обществом подсистема внутри системы общенародного языка, закрепленная за теми или иными ситуациями общения (типичными речевыми ситуациями) и характеризующаяся набором ... средств выражения и скрытым за ними принципом отбора этих средств из общенародного языка» [6, с. 218]. Необходимо при этом иметь в виду, что социальные корреляты лингвистической категории «функциональный стиль» является не конкретная социально-речевая ситуация, а определенный тип или класс ситуаций, или, иными словами, коммуникативная сфера.

Наряду с наличием актуального для данного общества класса социально-речевых ситуаций (коммуникативной сферы) для выделения того или иного функционального стиля необходимо наличие определенного комплекса функций, стиливых черт и языковых признаков, характерных для использования языка в данной сфере.

Контрастивный анализ функциональных стилей должен основываться на учете и сопоставлении всей совокупности указанных параметров. При этом следует иметь в виду, что представление о стилях как о нечетких множествах находит свое отражение в самом наборе сопоставляемых признаков. Дело в том, что в стилистике существует монофункциональная модель стилей, согласно которой функцией газетного стиля является информация, функцией публицистического стиля — убеждение, побуждение к действиям, функцией научной прозы — доказательство определенных положений [18, 343]. Более адекватна для целей контрастивного анализа полифункциональная модель, закрепляющая за каждым стилем тот или иной набор функциональных признаков. Так, например, информативная функция присуща не только языку газеты, но и официально-деловой речи, а доказательство тех или иных положений может вполне сочетаться с убеждением, и потому обе эти функции могут характеризовать как публицистику, так и научную прозу. При сопоставлении присущих данному стилю функций в различных языках варьируются как набор функций, так и соотношение между ними.

Идея стиливых черт, впервые высказанная В. Шнайдером [19], получила дальнейшее развитие у М. Н. Кожинной. Обусловленные экстралинг-

вистическими факторами, и в первую очередь коммуникативной сферой, функциональными параметрами и культурной традицией, стилевые черты обычно строятся на полярных противопоставлениях: «точность — неточность», «образность — безобразность», «эмоциональность — рациональность», «объективность — субъективность» и др. [20, с. 82—83]. Думается, однако, что учитывая сказанное выше об относительном характере контрастивных противопоставлений, в основе последних может лежать не наличие или отсутствие данного признака, а степень его проявления.

Стилевые черты реализуются в конкретных языковых признаках. Так, Н. М. Лариохина, анализируя стилистическую маркированность русской научной речи, к числу языковых признаков, реализующих ее «отвлеченно-обобщенность» на уровне синтаксиса, относит исключение из структуры предложения личного субъекта действия (агенса) путем применения обобщенно-личных, безличных и пассивных конструкций [31, с. 14—25]. Как будет показано ниже, именно на уровне языковых признаков специфические черты сопоставляемых функционально-стилистических систем находят наиболее яркое воплощение.

Для контрастивно-стилистического анализа принципиальное значение имеет и учет структуры сопоставляемых функционально-стилистических систем. В рамках функционального стиля, представляющего собой одну из разновидностей литературного языка, выделяются три яруса. Верхним ярусом является макросистема данного функционального стиля, соотносимая, как отмечалось выше, с неким обобщенным типом социально-речевых ситуаций, набором функциональных параметров и стиливых черт. Эта макросистема распадается на ряд микросистем (подстилей), которые в свою очередь включают микросистемы низшего порядка (жанры текстов). Сказанное может быть проиллюстрировано примером, характерным для языковой ситуации в ряде развитых стран, где, как показывают материалы наблюдений [22, с. 109—110], сформировалась особая функционально-стилистическая макросистема массовой коммуникации, охватывающая единый класс социально-речевых ситуаций, характеризующихся ориентацией на массового получателя и связанных с использованием средств массовой информации — прессы, радио и телевидения. Специфические условия массовой коммуникации и присущие этой коммуникативной сфере функциональные установки (на сообщение информации и воздействие на получателя) и соответствующие стилевые черты находят свое отражение в единой для всей микросистемы модели отбора языковых средств. Вместе с тем эта макросистема включает ряд микросистем (подстилей), известных как язык газеты, язык журнальной публицистики, язык радио и телевидения, каждая из которых обслуживает определенный участок сферы массовой коммуникации и обнаруживает характерную для нее конфигурацию языковых признаков, частично входящих в общую модель макросистемы, а частично составляющих специфику данного подстиля.

Наконец, в рамках этих микросистем вычлениаются образующие низший ярус функционально-стилистической макросистемы жанры текстов (например, в языке газеты выделяются такие жанры, как передовая статья, информационное сообщение, газетный очерк, политический обзор или комментарий и др.). Каждый из этих жанров характеризуется специфичными для него функциональными установками, определяющими отношение между отправителем и массовым получателем, соответствующими стилевыми чертами и набором языковых средств.

Основным уровнем контрастивно-стилистических сопоставлений является уровень текста. Для выработки метаязыка контрастивного анализа

на этом уровне необходим соответствующий концептуальный аппарат, опирающийся на ту или иную типологию текста. В этой связи представляет известный интерес теория жанров текста (Textsortentheorie), основными категориями которой являются «тип текста» (Texttyp) и «жанр текста» (Textsorte) [23]. Понятие типа текста используется для выделения универсальных, базисных форм текста в человеческой коммуникации. На основе выполняемых ими самых общих (по К. Бюлеру) коммуникативных функций — репрезентативной (Darstellungsfunktion), выразительной (Ausdrucksfunktion) и аппеллятивной (Appellfunktion) — выделяются три типа текста — информативный, экспрессивный и оперативный. Подобно некоторым другим функциональным классификациям текста, классификация К. Райсса одномерна. Фактически она сводит функциональную характеристику текста к какой-то одной функции, между тем как реальные тексты (точно так же, как и реальные функциональные стили) полифункциональны.

Жанр текста (Textsorte) — это класс вербальных текстов, выделяемых на основе общности структуры, пределов вариативности и использования в однотипных коммуникативных контекстах. В жанровой вариативности текстов находят свое проявление так называемые «конвенции» (или нормы) жанра (Textsortenkonventionen), определяющие специфику отбора языковых средств при порождении текстов тех или иных жанров.

Контрастивный анализ позволяет выявить два вида расхождений на уровне жанра текста. Прежде всего речь идет о расхождении в самой номенклатуре жанров. Наряду с общими жанрами, существующими в любой письменной культуре (письмо, статья, басня), есть жанры, распространенные в нескольких, но не во всех культурах (например, сонет), и, наконец, жанры, специфичные лишь для одной культуры (например, жанр семнадцатисложного трехстишия хайку в японской поэзии). Кроме того, различия часто касаются конвенций жанра, что проявляется как в исторической перспективе (ср. например, стихотворную форму средневекового научного трактата), так и при сопоставлении жанровых норм различных языков.

Думается, что в контрастивной стилистике вполне могут найти применение и выделяемые К. А. Долининым дифференциальные признаки текста, объединяемые в три группы: 1) признаки, связанные с адресатом (например, наличие или отсутствие персональной адресованности); 2) признаки, связанные с адресантом (например, обращение от своего имени или от имени группы); 3) признаки, связанные с характером сообщения (абстрактность или конкретность, эмоциональность или неэмоциональность и др.); 4) признаки, связанные с каналом связи (письменная или устная форма, диалогичность или монологичность и др.) [24, с. 64—67].

Объектом контрастивно-стилистического анализа может также быть и типовая структура текста, в том числе его когнитивная структура. В этой связи заслуживает внимания идея Т. А. ван Дейка относительно целесообразности анализа дискурса на более высоком уровне, чем микроуровень слов, предложений и связей между предложениями. Ключевым понятием такого анализа является понятие общего значения текста или его макроструктуры. Формой организации последней является схема текста, задаваемая набором правил или стратегий, определяющих порядок следования его содержательных единиц [25, с. 129—133, 241—263].

Как будет показано ниже, схемы текста, реализующие его макроструктуру, варьируются от языка к языку и от культуры к культуре. Контрастивный анализ, построенный на сопоставлении когнитивных струк-

тур текстов, дает возможность перебросить мост от статических сопоставлений, основанных на сравнении функций, стиливых черт и их языковых реализаций, к сопоставлениям динамическим, в основе которых лежат различные стратегии порождения и восприятия текста.

Известно, что одной из центральных проблем стиля является проблема выбора языковых средств, в наибольшей мере соответствующих условиям и цели коммуникативного акта. На уровне текста стратегия выбора обычно бывает связана с оптимальной формой его организации — например, с линейной последовательностью его конstituентов. В качестве примера такого рода стратегии Н. Энkvист приводит текст радиорепортажа о соревновании по боксу, состоящего из эллиптических именных фраз, называющих сперва действие, а затем деятеля (*nice left jab by Cooper, a tremendous left hook ... by Miteff, right and left by Cooper*). Стратегия этого радиорепортажа характерна для некоторых форм спонтанной речи, в которой наиболее важная информация помещается вначале, а менее важная следует за ней. Ее основной принцип — «сперва ключевая информация» (*crucial information first*) — прослеживается, как мы увидим ниже, и в некоторых жанрово-стилистических разновидностях письменной речи [26, с. 22—23].

В настоящей статье на материале газетно-информационного текста будет предпринята попытка выявить некоторые дифференциальные признаки газетно-публицистического стиля в английском и русском языках с учетом указанных выше уровней и параметров контрастивного анализа. Как отмечалось выше, одним из таких параметров является комплекс функций, на основе которого выделяется тот или иной стиль. Как в английском, так и в русском языке ведущими функциями газетно-публицистического стиля является информация, с одной стороны, и убеждение, воздействие на реципиента, с другой. Если сопоставить под этим углом зрения язык советской прессы, с одной стороны, и англо-американской, с другой, то выяснится, что сам по себе набор функциональных параметров у них совпадает. Однако соотношение этих функций варьируется от одного языка к другому.

Это различие становится наиболее контрастным при сопоставлении отдельных жанров текста. Так, например, при сравнении газетно-информационных текстов выявляется значительно большая роль функции убеждения и воздействия в языке русской газеты по сравнению с английской или американской. Это различие находит свое отражение и в стиливых чертах газетно-информационных текстов, и в их языковой реализации: в русском тексте более эксплицитный характер приобретает такая стиливая черта, как «сопричастность автора» (термин Ю. Найды [27, с. 154]), более широко используются экспрессивно-оценочные элементы. Например: «Португалия выступает посредником в этих многоступенчатых переговорах, затянувшихся из-за неконструктивной позиции руководителей УНИТА» (Известия, 1991, 31 янв.); «Сквозь дым и пламя жарких дебатов нетрудно было заметить, что спорящие говорят на разных языках. Эмоции явно взяли верх над логикой и расчетом» (Известия, 1990, 25 июня).

Вместе с тем каноны английской и американской журналистики, зафиксированные в соответствующих пособиях (*style manuals*), требуют исключения из газетно-информационного сообщения каких бы то ни было субъективно-оценочных элементов. Личность автора сообщения как бы полностью устраняется. Нормы жанра запрещают включать в текст те или иные высказывания, отражающие собственное мнение репортера или

его комментариев к описываемым событиям. «Мнения должны высказываться в передовой статье и в колонке комментатора» [28, с. 87].

Однако все эти ограничения порой не мешают имплицитному выражению позиции автора текста: 1) «*De Gaulle sent his military commander a blistering cable*»; 2) «*Informed of the suicide, Christine Keeler burst into tears and ducked into seclusion*» [28, с. 87, 98].

В первом случае отрицательная оценочная коннотация имплицитно переносится с предмета, к которому непосредственно относится атрибут *blistering* «резкий, едкий», на лицо (*de Gaulle*). Во втором использование резко контрастирующего с ситуативным контекстом коллоквиализма *ducked* диагностирует отрицательную установку репортера в отношении скандально известной Кристин Килер.

Иными словами, различие между русскими и английским газетно-информационными текстами в отношении этого параметра («сопричастность автора») заключается не в наличии его в первом случае и в полном отсутствии во втором, а в способе его выражения: в русском тексте он нередко находит эксплицитное выражение, а в английском — лишь имплицитное.

Другими стиливыми чертами, степень выражения которых является одной из различительных черт английских и русских газетно-информационных текстов, является книжность и приподнятость. См., например: «...27 января — дата снятия блокады Ленинграда. Дата, святая для города на Неве, которую он неизменно отмечает со строгой торжественностью. Сегодня грусть, увы, не только в воспоминаниях пожилых ленинградцев, но и в их раздумьях о дне нынешнем» (Правда, 1991, 27 янв.).

Выше отмечалось, что текст перевода не может быть полностью приравнен к аутентичному тексту на данном языке. Вместе с тем сравнение оригинала с переводом дает возможность проследить некоторые характерные модификации, отражающие расхождения в жанрово-стилистических нормах сопоставляемых языков. Рассмотрим следующий пример: *Зеленым ковром восточов покрываются поля. Каким будет урожай первого года пятилетки? Земледельцы понимают: щедрость нивы во многом зависит от их слаженной работы в эти дни.*

Приподнятость этого текста опирается на такие элементы, как *нива* (поэт.), (книжн. устар.), *земледелец*, литературные тропы *зеленый ковер: восточов, щедрость нивы*. Адаптация этого текста к нормам английского газетно-публицистического текста потребовала ряд стилистических модификаций: *Fields are turning green. What harvest will the first of the five years bring? Farmers know that the yield will depend on their concerted and efficient work right now.* Общее направление этих модификаций — снижение тональности, нейтрализация специфически книжных элементов (русск. *щедрость нивы* — англ. *yield*, русск. *земледелец* — англ. *farmer*, русск. *зеленым ковром восточов покрываются поля* — англ. *fields are turning green* [10, с. 199].

Другим различием на уровне стиливых черт является более высокая степень сжатости английского газетно-информационного текста по сравнению с русским. Иногда это различие выявляется на уровне словосочетания, в структуре которого в английском тексте нередко опускается компонент, восполняемый из контекста. Так, в работе Т. Г. Сеидовой, опирающейся на газетно-публицистический материал [29], приводятся многочисленные примеры именных словосочетаний, требующих развертывания при переводе с английского языка на русский. Смысловая связь между компонентами этих словосочетаний не получает эксплицитного выра-

жения. Например, *oil countries* означает «нефтедобывающие страны», хотя в принципе оно могло бы означать и «страны — потребители нефти» (ср. неомеченность в русском языке словосочетания «нефтяные страны»). При переводе с русского языка на английский применяется обратная трансформация: *В ответ на требования профсоюза металлистов Швеции об увеличении заработной платы предприниматели объявили 18 тысячам трудящихся локдаун* — *The employers responded to the wage demands of the Swedish Metal-Workers Union by locking out 18,000 employees*. Здесь развернутое словосочетание *требования об увеличении заработной платы* заменяется эллиптическим *wage demands*.

Для стилистических модификаций, обусловленных более высокой степенью компрессии английского текста, типичны также преобразования на уровне предложения, связанные с использованием более компактной структуры, позволяющей описать данную ситуацию более сжато и экономно, например: *ЮАР принадлежит первое место в мире по добыче золота и ювелирных алмазов* — *South Africa is the world's No. 1 gold and diamond producer* [10, с. 202].

Как отмечалось выше, функциональные стили представляют собой «нечеткие множества». Именно этим объясняется их взаимопроницаемость, степень которой варьируется от языка к языку. Так, например, для русских газетных текстов характерны такие признаки официально-деловой речи, как высокая частотность отглагольных имен действия. Например: «Съездом приняты резолюции ... о путях вступления в рыночные отношения, о выполнении постановления № 608, о профсоюзах, о партиях» (АИФ, 1990, 23—29 июня); «Министр иностранных дел ФРГ предостерег от поспешных оценок и выводов в вопросе об оказании экономической поддержки СССР... Мир и процветание в Европе, подчеркнул он, могут быть обеспечены только при условии преодоления экономического разрыва между Западом и Востоком континента» (Правда, 1991, 5 февр.).

Поскольку для английского газетно-публицистического стиля эта черта значительно менее типична, при переводе русских газетных текстов на английский язык подобные конструкции часто подвергаются трансформации: «По имеющейся информации, ввод первой очереди в строй по ряду причин был задержан на полтора года, что привело к потере 15 миллионов долларов выручки» (Коммерсант, 1991, 28 янв. — 4 февр.) — *англ. According to the information available, the first section was completed 18 months behind schedule cutting down profits by 15 million dollars.*

Указанное различие, как и многие другие, носит вероятностный характер, поскольку конструкции с *nomina actionis*, разумеется, встречаются как в русских, так и английских газетных текстах и отличаются лишь частотностью употребления.

Еще одним направлением стилистических модификаций, обусловленных различной степенью взаимопроницаемости стилей, является нейтрализация при переводе на английский язык некоторых элементов текста, специфичных для стиля научной прозы. Дело в том, что в публикуемых в нашей массовой прессе статьях ученых нередко сохраняются некоторые маркеры научного текста — терминология, фразеология, манера изложения. В то же время английскому газетному тексту в большей мере присуща адаптация к жанрово-стилистическим нормам газетно-публицистического стиля. Иными словами, расплывчатость границ этого стиля в русском языке проявляется в данном языке в отсутствии резкой дифференциации двух функциональных стилей — «нечетких множеств».

В данном случае модификация русского текста при переводе также доста-

точно точно отражает расхождение стилистических норм двух языков. Ср. следующий пример: *Размышления о будущем человеческого общества прослеживаются на протяжении всей истории человеческой мысли*. Здесь используется характерная для научной прозы конструкция с пассивным оборотом, реализующая «отвлеченно-обобщенность», одну из главных черт этого стиля [21, с. 13—18]. Эта конструкция опирается на типичный для данного стиля глагол умственного восприятия *прослеживать* (ср. также *выявлять, обнаруживать* и др.). Для приведения исходного текста в соответствие с нормами английского газетно-публицистического стиля потребовалась сложная трансформация, основанная на метонимическом сдвиге: действие (восприятие) было заменено признаком: *Speculation on the future of human society is as old as the history of ideas* [10, с. 201].

В результате текст освобождается от языковых признаков научной речи и приобретает такие черты газетной публицистики, как сжатость, выразительность, броскость.

Рассмотрим некоторые дифференциальные признаки структуры газетно-информационных текстов в английском и русском языках. В этих текстах выделяются следующие структурно-композиционные компоненты: заголовок, вводный абзац («зачин») и развернутое изложение.

В структуре газетно-информационного текста ярко проявляется стратегия, основанная на принципе «ключевая информация вначале» (*crucial information first*). Об этом, в частности, пишет Т. А. ван Дейк, считающий выдвижение важной информации на первое место общим структурным свойством газетных сообщений новостей и называющий эту тенденцию «структурированием по принципу релевантности» (*relevance structuring*). Этот принцип пронизывает весь текст, все его уровни [25, с. 132—133].

Начнем с заголовка (*headline*). Здесь обычно соблюдается принцип, сформулированный в одном из пособий для журналистов: «*Headlines should tell the story*». («Заголовки должны раскрывать содержание статьи») [30, с. 96]. В самом деле, в английской или американской газете заголовок — это чаще всего предельно сжатый вариант основной информации текста. Ср. следующие примеры: «*Campaign by US Drug Czar Proves Ineffective as Crime Stays High*»; «*Slovenian Poll Victors Seek Independence from Belgrade*»; «*France is Said to Offer Passports to Hong Kong*»; «*Police Raise Estimate of Ferry Fire Toll to 200*».

Вместе с тем многие заголовки русских текстов служат сигналом, акцентирующим внимание на одном из элементов содержания текста: «Перед выбором в Румынии», «Готовимся к конкуренции», «Под флагом России», «С позиций права и гуманизма», «„Биржа“ для аппаратчиков», «Акция милосердия», «Помощь с Волги».

В силу отмеченного различия в стратегии текста перевод подобных заголовков на английский язык обычно требует дополнительной информации, извлекаемой из текста статьи. Так, заголовок «Очередное коммюнике» передается в переводе как «*Iraqi Helicopters Fly 90 Missions, Communique Says*» [10, с. 187].

Заголовок английского информационного текста обычно бывает наиболее тесно связанным с зачином (*lead*). Наиболее распространенный вариант зачина в англо-американской прессе — это так называемый зачин-резюме (*summary lead*), который определяется как «начальное предложение (или предложения), резюмирующее основное содержание заметки» [28, с. 101]. В английских текстах зачин, как правило, начинается с основного сообщения, за которым следует атрибуция (указание на источник). Наиболее распространенная формула зачина $Z = СИ$, где Z —

зачин, С — сообщение, И — источник. В русском же тексте чаще наблюдается обратная последовательность: З = ИС. Ср. следующие примеры: *Brazil will soon pay to sovereign creditors arrears totalling 980 m., Reuter reports from São Paulo.* — «По информации пресс-секретаря Совета Министров РСФСР В. Сергеева. 12 февраля подал заявление об отставке зампред Совмина РСФСР Г. Фильшин» (Комсомольская правда, 1991, 14 февр.).

Порядок следования смысловых компонентов сообщения: С = СбМВ, где С — сообщение, Сб — событие, М — место, В — время.

Таким образом, стратегия «структурирования по принципу релевантности» реализуется и на уровне зачина. При этом соблюдается последовательность — описание главного события, место, время и источник информации.

В русском газетно-информационном тексте нередко используется такой же тип зачина, раскрывающий главное содержание информационного сообщения. Например: «Под давлением общественного мнения в Бразилии принят кодекс этики для радио и телевидения, который жестко регламентирует время трансляции различных по содержанию программ» (Правда, 1991, 5 февр.). Однако не менее часто встречается зачин, содержащий не резюме главного события, а лишь «введение в текст», за которым следует главная информация. Так, в другой заметке зачином служит следующее предложение, содержащее вводную информацию: «Обсуждению основных направлений радикальной реформы единой аграрной политики „Общего рынка“ посвящена открывающаяся в бельгийской столице сессия Совета европейских сообществ». Это предложение предшествует остальной части текста, в которой содержится ключевая информация: «Изменение правил, регулирующих уже более трех десятков лет сельскохозяйственное производство в 12 странах „малой Европы“, стало необходимым в связи с растущей разбалансированностью аграрного рынка» (Советская Россия, 1991, 5 февр.).

Однако наиболее значительные расхождения наблюдаются в последовательности компонентов зачина, основанного в русском тексте на формуле: С = ВМСб, где С — сообщение, В — время, М — место, Сб — событие. Ср., например: «В 1988 г. состоялся разговор представителям Уфимского НИИ глазных болезней и заместителя председателя правления Советского детского фонда З. Драгункиной» (Комсомольская правда, 1991, 14 февр.).

Расхождения наблюдаются и в языковой реализации компонентов газетно-информационного текста. Так, например, для заголовков английского текста типична глагольная структура: «Gorbachev Calls For Lithuania Vote»; «Disputes Threaten Nepal Coalition Plan»; «Parkinson Bales Out Tunnel»; «Brazil Anti-Inflation Drive Starts to Bite». В заголовках русских газетно-информационных текстов значительно чаще отмечаются именные фразы, где вместо глагола нередко фигурирует отглагольное имя: «Встреча в Верховном Совете СССР», «Завершение визита», «Просьба И. Шамира».

Указанные различия также носят вероятностный характер. Как именные, так и глагольные заголовки встречаются в русских и английских текстах. Ср., например, «How-To Demogasy Course» и «Участковый работает в колхозе». Речь идет лишь о значительно большей частотности глагольного типа в английских текстах по сравнению с русскими.

Другие различия носят практически абсолютный характер. Так, для английских заголовков типично отсутствие глагольных форм прошед-

шего и будущего времени. Вместо первых обычно используется форма Praesens historicum — «Glitch Delays Lift-Off»; «East Europeans Study the US Systems Nitty-Gritty»; «Pakistan and India Edge Closer to Another War»; «Barrie Joins Bottle for Full Disclosure», а вместо вторых инфинитив — «Universal Language to Open the Options»; «Mexico to Open Up in Computer and Drugs Sectors»; «Australia to Sign Soviet Pacts».

В то же время в русских заголовках широко употребляются глагольные формы как прошедшего, так и будущего времени: «Приняли эстафету»; «Рассказали анкеты»; «Кто на праздник к нам пришел»; «Сделает ли Чернобыль нас вегетарианцами?».

Существуют и языковые признаки, не имеющие аналогов в другом языке. Сюда относятся, например, такие маркеры английского «заголовочного стиля» (headlines), как опущение артикля «Union Question Caps D-Mark»; «Moscow Admits Murder of Polish POWs»; «Deal Helps Free 3 in Beirut, PLO Says», опущение связки *be* в пассиве и в именном сказуемом («Court Affronted»; «Man Aged 90 Injured in Fight»; «Every Gamble a Certain Loser in Lebanon»).

К числу уникальных, безэквивалентных признаков английского газетно-публицистического стиля относится также и так называемый «заголовочный лексикон» (headline vocabulary), состоящий из коротких слов, легко вписывающихся в формат заголовка, типа *ban, bid, claim, crash, cut, dash, hit, move, pact, plea, probe, quit, quiz, rap, red, rush, slash* [30, с. 103]. В микроконтексте газетного заголовка у этих слов наблюдается значительное расширение значения. Так, например, в заголовке *bid* — это не только «предложение», «заявка», «попытка», но и «шаг», «инициатива», «усилие», *pact* — не только «пакт», «соглашение», «договор», но и «сделка», «договоренность», «сговор», *hit* — не только «наносить удар», «причинять ущерб», «попадать в цель», но и «критиковать», «обрушиваться на кого-л.», «разносить в пух и прах», *probe* — не только «зондирование», но и «следствие», «расследование», «проверка», *quiz* — не только «производить опрос», но и «допрашивать», «интервьюировать», «задавать вопросы», *quit* — не только «покидать», «прекращать», но и «уезжать» «эвакуироваться».

Характерной особенностью заголовочной лексики является не только ее широкая семантика, но и то, что она практически вытеснила из газетных заголовков свои синонимы. Так, глагол *ban* вытеснил *forbid* и *prohibit*, а глагол *rap* — *criticize, reprimand, interrogate*.

Наличие у английского газетного текста специализированного «заголовочного лексикона» и «заголовочной грамматики» в сочетании с отмеченной выше тенденцией к большему по сравнению с русским текстом обособлению от текстов, относящихся к смежным функциональным стилям, наводит на мысль о большей специализации языка английской газеты.

Другим параметром текста, обнаруживающим заметные расхождения при сопоставлении английского и русского газетно-публицистического стиля, является относительная жесткость его структуры [31]. Это относится и к грамматическим структурам текста и к его когнитивной структуре (ср. распределение информации между зачином и остальной частью текста).

Что касается той части газетно-информационного текста, которая следует за зачином, то она характеризуется отсутствием жестких моделей. В целом речь может идти в основном о номенклатуре содержательных компонентов текста, но не о жестко и однозначно заданной их последо-

вательности. Схема этих компонентов, предложенная Т. А. ван Дейком [25, с. 131—132, 256—259] и включающая такие компоненты, как главное событие, фон, контекст, история, вербальные реакции или комментарии, в целом приложима не только к английскому, но и к русскому тексту. Отсюда следует, что языковая реализация тех или иных параметров текста и связанные с ней межъязыковые различия варьируются не только от одного типа (или жанра) текста к другому, но и внутри текста от компонента к компоненту.

Контрастивный анализ функциональных стилей и типов текста неразрывно связан с социально-культурным контекстом. Вариативность этого контекста находит соответствующее отражение в вариативности стилистических маркеров. Еще в 1985 г. А. Нойберт, отмечая глубокие различия между русскими и американскими газетными текстами, связывал их с резкими расхождениями в идеологической ориентации «двух миров». При этом интертекстуальные связи нередко пересекают межъязыковые границы. «Сравнение статей, публикуемых в „Правде“ и „Нойес Дойчланд“, — писал он, — обнаруживает столько же черт сходства, как и сравнение ведущих американских и западногерманских газет» [12, с. 119—120].

В наше время уже стало трюизмом подчеркивать непосредственную связь между социальными сдвигами и изменениями в лексике. Значительно меньшее внимание обращалось на связь между социально-культурной средой и стилем. Однако стиль реагирует на вариативность этой среды не менее оперативно, чем лексикон. Поэтому приведенное выше замечание А. Нойберта, достаточно справедливое пять лет тому назад, в настоящее время нуждается в серьезном пересмотре.

За последние годы произошли существенные изменения в языке советской прессы: она освободилась от многих идеологических клише, от резко выраженной социальной оценочности, риторичности, патетичной торжественности и других черт, столь характерных для нее в недавнем прошлом [32]. Некоторые из ее жанров (например, «директивная» передовая статья) фактически ушли в прошлое. И хотя отмеченные выше различия сохраняются до сих пор, мы уже не можем, сопоставляя язык и стиль нашей и англо-американской прессы, исходить из того, что их, по выражению А. Нойберта, разделяют целые «коммуникативные миры». Напротив, произошедшие за сравнительно короткий промежуток времени изменения свидетельствуют о явном процессе конвергенции.

Сказанное раскрывает перспективы еще одного интересного направления контрастивно-стилистического анализа — анализа в диахронной плоскости с учетом меняющегося социально-культурного контекста [33].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV: Контрастивная лингвистика. М., 1959.
2. Балли Ш. Французская стилистика. М., 1961.
3. Долинин К. А. Стилистика французского языка. Л., 1978.
4. Malblanc A. Stylistique comparée du français et de l'allemand. P., 1968.
5. Vinay J. P., Darbelnet J. Stylistique comparée du français et de l'anglais. P., 1977.
6. Степанов Ю. С. Французская стилистика. М., 1965.
7. Федоров А. В. Очерки общей и сопоставительной стилистики. М., 1971.
8. Гарбовский Н. К. Сопоставительная стилистика профессиональной речи. М., 1988.
9. Coseriu E. Kontrastive Linguistik und Übersetzungswissenschaft: ihr Verhältnis zueinander // Kontrastive Linguistik und Übersetzungswissenschaft. München, 1981.
10. Швейцер А. Д. Теория перевода. Статус, проблемы, аспекты. М., 1988.
11. Hartmann R. R. Contrastive textology. Heidelberg, 1980.
12. Neubert A. Text and translation. Leipzig, 1985.

13. *Попович А.* Проблемы художественного перевода. М., 1980.
14. *Enkvist N. E.* On defining style // *Linguistics and style*. L., 1964.
15. *Шайкевич А. Я.* Опыт статистического выделения функциональных стилей // *ВЯ*. 1968. 1.
16. Развитие функциональных стилей современного русского языка. М., 1968.
17. *Saaty T. L.* Operations research: some contributions to mathematics // *Science*. 1972. Dec. 8.
18. *Гальперин И. Р.* Очерки по стилистике английского языка. М., 1958.
19. *Schneider W.* Stilistische deutsche Grammatik. Basel. 1959.
20. *Кожина М. Н.* Стилистика русского языка. М., 1983.
21. *Лариохина П. М.* Вопросы синтаксиса научной речи. Анализ некоторых структур простого предложения. М., 1979.
22. *Швейцер А. Д.* Социальная дифференциация английского языка в США. М., 1983.
23. *Reiss K., Vermeer H. J.* Grundlegung einer allgemeinen Übersetzungstheorie. Tübingen, 1984.
24. *Долинин К. А.* Интерпретация текста (французский язык). М., 1985.
25. *Ван Дейк Т. А.* Язык, познание, коммуникация. М., 1985.
26. *Enkvist N. E.* A note towards the definition of text strategy // *Z. für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung*. 1987. 40.
27. *Nida E. A., Taber C. R.* The theory and practice of translation. Leiden, 1969.
28. *Brier W. J., Heyn H. C.* Writing for newspapers and news services. N. Y., 1969.
29. *Сеидова Т. Г.* Семантически неполные атрибутивные словосочетания в английском языке и трансформации при переводе их на русский язык: Автореф. дис. ... канд. филол. наук М., 1976.
30. *Sellers L.* Doing it in style. A manual for journalists, P. R. men and copywriters. Oxford, 1968.
31. *Ванников Ю. В.* Типы научно-технических текстов и их лингвистические особенности. М., 1985.
32. *Солганик Г. Я.* Системный анализ газетной лексики и источники ее формирования: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1976.
33. *Ярица В. Н.* Теория и практика сопоставительного исследования языков // *ИАН СЛЯ*. 1986. № 6.